

Н. А. Кетрару

## Иван Касианович Суручан: первый молдавский археолог и его музей<sup>1</sup>

Среди деятелей науки и культуры Бессарабии последней четверти XIX столетия незаслуженно забыто имя первого молдавского археолога, создателя «Музея Древностей Понта Скифского И.К. Суручана в Кишинёве». При Музее была и библиотека по бессарабоведению, которой по количеству и значимости книг не было равных на всём юге России. Поэтому о деятельности этого человека — ученого, страстного любителя древностей, исследователя археологических памятников не только Бессарабии, но и всего Северного Причерноморья, мы считаем необходимым рассказать подробнее. Обидно, что он так скоро был забыт, и о нем можно было узнать только из небольшого некролога, написанного А.И. Маркевичем и помещенного в одном из номеров Записок Одесского общества истории и древностей (Маркевич 1900: 49—51).

В 25 км к западу от Кишинева, на правом берегу небольшой речки Ишновец и его притоке Суруча еще с первой половины XVI века по документам известно старинное молдавское село Суручень. Когда-то большинство жителей этого села составляли мазылы, среди которых к середине XVIII века стал выделяться помещичий род Суручанов. Основателем его следует считать питаря Касиана Суручана (1750—1829), который за свои средства в 1785 году построил в сурученском ските вместе с монахом Иосифом две каменные церкви и, таким образом, стал одним из создателей Сурученского монастыря (Bezviconi 1936: 59; 1943: 221—224).

<sup>1</sup> Статья под названием «Первый молдавский археолог И.К. Суручан и его Музей Древностей Понта Скифского» была опубликована в 2005 г. Данный текст печатается с незначительными изменениями — ред.

У Касиана Суручана было два сына — Иван и Федор, которые являлись ктиторами Сурученского монастыря. Сын Ивана — Касиан Суручан, внук основателя рода, женился на Марии Константиновне Ломатеску (1830—1919), дочери румынского генерала, и у них 19 декабря 1851 года родился сын Иван Касианович Суручан, ставший впоследствии первым молдавским археологом, создателем «Музея Древностей Понта Скифского И.К. Суручана в Кишиневе», обладателем крупнейшей библиотеки по бессарабоведению, почетным членом Румынской Академии наук в Бухаресте, действительным членом Русского археологического общества в Санкт-Петербурге, Одесского общества истории и древностей, Церковно-Археологического общества Киевской духовной академии. Из этого же рода происходит и знаменитый молдавский историк Д.Д. Суручан (1856—1902) — автор нескольких работ по средневековой истории Молдовы, опубликованных в печатных изданиях Кишинева и Одессы. Почти все работы и рукописи Д.Д. Суручана безвозвратно погибли при ограблении имения в 1917—1918 гг. Некоторые его работы Г. Безвикони и другими авторами ошибочно приписываются И.К. Суручану (Bezviconi 1936: 59; 1943: 224—226).

Рано лишившись отца, И.К. Суручан воспитывался под сильным влиянием своего отца П.М. Шумского, бывшего, по отзывам современников, человеком известным образованностью и культурой. Его родной отец был офицером царской армии, в чине поручика из-за болезни ушел в отставку и вскоре умер. В 1861 году ходатайство на имя директора училищ Бессарабской области о принятии вольноприходящим сына Ивана в Кишиневскую гимназию писала мать — уже Мария Шумская.

Петр Михайлович Шумский — штабс-капитан, заседатель окружной опеки, непрерывный заседатель Уездного полицейского управления, был одним из тех людей, которые осуществляли предписание генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии П. И. Федорова о сборе сведений, касающихся зданий, предметов старины и связанных с ними народных преданий. Скорее всего, он был и одним из создателей попавшего в архив «Дела о доставлении сведений о древних зданиях и прочее» на 107 листах, откуда впоследствии большой знаток и любитель предметов старины П. М. Шумский и черпал сведения о древней истории края. Дома у них собралась большая коллекция различных монет. Эту любовь к предметам старины, далекого прошлого края и его древней истории, он привил и своему пасынку, И. К. Суручану, который пронес ее через всю свою жизнь и через несколько лет посвятил памяти отчима одну из своих работ, опубликованную в Петербурге вместе с В. В. Латышевым на латинском языке (Inscriptiones 1894).

Первоначальное образование И. К. Суручан получил в гимназиях Кишинева и Одессы, а затем в Нежинском лицее князя Григория Безбородко (Валишевский 1990: 83—122), в котором в свое время учился Н. В. Гоголь, а также многие другие широко известные деятели культуры и науки России. Андрей Безбородко оставил своим наследникам несколько поместий на юге России, в том числе и село Парутино, возле которого и находились остатки древнегреческого города Ольвия (Леви 1984: 34—40). Поэтому нетрудно объяснить тот живой интерес к античным памятникам, который процветал в лицее. Лицейсты часто приезжали сюда для ознакомления с древностями и выполнения практических работ.

Еще в школьные годы в Кишиневе И. К. Суручан страстно увлекся коллекционированием монет, а затем и других древностей, и эту любовь он сохранил до конца жизни, которая, к сожалению, оказалась весьма недолгой. Не жалея ни средств, ни времени, колесит он по всему Крымскому, Кавказскому, Северному побережью Черного моря, собирая древние надписи на плитах, монеты, целые амфоры и их ручки, терракотовые статуэтки и античные вазы и самые различные предметы из металла, в том числе и драгоценного. Из любителя-коллекционера И. К. Суручан постепенно вырастает в известного для своего времени ученого-археолога.

В различных городах и селах Бессарабии во второй половине XIX века существова-

ли замечательные коллекции древностей Натальи Сикард, А. М. Котруцы, Г. Д. Гребенчо. В отличие от современников-коллекционеров, деятельность И. К. Суручана с самого начала носила принципиально иной характер. Он поставил перед собой и всю жизнь осуществлял колоссальную по тем временам цель — сбор и изучение древностей Северного Причерноморья. В сферу его интересов входили и античные города, и кочевнические курганы, древности скифов, сарматов и византийские памятники. Он постоянно бывал в разъездах, а в Кишинев в его квартиру отовсюду доставлялись находки: здесь были и древнегреческие, и древнеримские надгробия, и каменные изваяния со степных курганов, античные и средневековые монеты, примитивные лепные горшки и великолепные высокохудожественные чернолаковые вазы. Ему привозили и весьма редкие и дорогие металлические изделия из меди, бронзы, серебра и золота. Вдоль забора во дворе его дома стояли чуть наклоненные к стене многочисленные уникальные мраморные плиты с лапидарными надписями, происходящие из некрополей Ольвии, Тиры, Танаиса, Боспора Киммерийского и других античных городов Северного Причерноморья.

Не довольствуясь скупкой и собиранием случайных находок, И. К. Суручан и сам предпринимает археологические разведки на побережье Черного моря от устья Дуная до Днепро-Бугского лимана. За свой счет он организует раскопки курганов близ Белгорода-Днестровского и в низовьях Днестра. По сведениям В. И. Гошкевича (основателя и директора Херсонского музея), такие раскопки были проведены И. К. Суручаном в 1895 году близ хутора Бугаз. Здесь он раскопал в степи курганный могильник, состоящий из группы невысоких (1,5—2 м) могильных насыпей. Он стремился во время раскопок обнаружить некрополь античной Тиры, однако могильник оказался не греческим, он принадлежал древним кочевникам причерноморских степей.

Наряду с именами выдающихся русских археологов второй половины XIX века Ф. Бруна, И. Е. Забелина, В. Н. Ястребова, Б. В. Фармаковского, в историю исследования античной Ольвии свое имя вписал и наш соотечественник И. К. Суручан. В 1886 году он одним из первых провел археологические раскопки на территории этого древнегреческого города, последующие исследования которого получили широкую известность. На средства Археологической комиссии в Санкт-Петербурге И. К. Суручан в начале

80-х годов XIX века исследовал десять курганов в окрестностях Ольвии, часть бывшей городской площади древнегреческого города и часть городской стены. Впервые было определено направление городской стены (ОАК 1891: 109).

Исследования курганов производились путем закладки нескольких траншей — метод довольно прогрессивный для того времени. Мы знаем, что многие археологи даже в XX веке копали курганы еще колодезным способом. К северу и к западу от села Парутино, а также к западу от городища располагались курганы, подвергшиеся исследованию. Их высота от 3 до 5 м, а длина окружности составляла 50—90 м. В курганах были обнаружены склепы, в большинстве случаев ограбленные, отдельные погребения в насыпи и многочисленные керамические, медные, железные, стеклянные предметы. Наиболее ценными были глиняный светильник, покрытый поливой, алавастры, золотой перстень, монеты и бронзовые наконечники стрел (ОАК 1891: 109—114).

В то же время И.К. Суручан проводит раскопки на территории древней Тиры, откуда происходят его многочисленные находки тирасских серебряных и золотых монет, клейменных целых амфор и отдельных ручек, черно-краснолаковой посуды, обломки мраморных плит с древнегреческими и латинскими надписями и т.д. В статье «Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического исследования» В.Н. Юргевич пишет, что «еще было бы желательнее произвести археологические поиски в части города Аккермана, прилежащей к еврейскому кладбищу, где, по свидетельству И.К. Суручана, найдены лучшие вещи его коллекции» (Юргевич 1888: 32). Таким образом, следует заключить, что культурный слой древнегреческого города Тиры наиболее насыщен находками на отрезке между крепостью и еврейским кладбищем.

Археологические исследования И.К. Суручана всегда сопровождались снятием полных планов, как самих объектов, так и местности, что неоднократно отмечала Археологическая комиссия. К сожалению, результаты только отдельных исследований, которые носили вполне научный характер, он публикует в статьях и сообщениях.

Для археологии Северного Причерноморья, включая Бессарабию и Левобережное Поднестровье, особенно большое значение имел состоявшийся в 1884 году в городе Одессе VI Археологический съезд. Он привлек к своей работе крупнейших для того

времени археологов Российской империи: Д.Н. Анучина, В.Б. Антоновича, В.И. Сизова, Д.А. Эварницкого, В.В. Латышева и др., и среди них археолога из Кишинева И.К. Суручана (Труды VI АС 1888: XXIV—XLVII). Это было наиболее представительное собрание археологов, ставившее перед собой цель обобщения достижений и результатов археологических исследований на юге России. Среди пунктов, на которые съезд рекомендовал обратить особое внимание, были и такие, которые прямо касались изучения нынешней территории Молдовы.

Как обычно, началу работы съезда предшествовало открытие обширной археологической выставки. На этот раз она была представлена предметами, происходящими из Северного Причерноморья, и большая часть происходила из коллекции И.К. Суручана (Труды VI АС 1888: LXXI). Участники съезда с восторгом отмечали уникальные по своей ценности находки из скифских курганов и греческих городов Северного Причерноморья, выставленные И.К. Суручаном. Все предметы выставки были опубликованы в виде двухтомного приложения к изданию Трудов VI Археологического съезда.

И.К. Суручан принимает активное участие в работе VI Археологического съезда и выступает с докладом и сообщением. Он также участвует в дискуссиях по некоторым проблемам археологии античных городов Северного Причерноморья и древней истории нашего края. В одном из сообщений «Мнимый Брикский бог Ноктулий и его единственный художественный памятник» И.К. Суручан привлек внимание археологов и специалистов по древнейшей и античной истории к редкому терракотовому изображению, хранившемуся в его собраниях. По некоторым данным, этот предмет попал затем в Одесский археологический музей и впоследствии был утерян (Труды VI АС 1888: XXXI).

Он также докладывает на съезде о результатах своих полевых исследований и разведок. Значительный интерес представил доклад «Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектор и Золотого берега Константина Багрянородного», прочитанный им на одном из заседаний съезда, а потом и опубликованный во втором томе Трудов этого форума (Суручан 1888: 129—134). Этот доклад интересен тем, что его автор на заре развития русской археологии сделал попытку связать древние поселения, известные по письменным источникам, с археологически открытыми памятниками. Работая над докладом и статьей, он постоянно сталкивался

с необходимостью отождествления древних памятников с письменными данными и подходил к этому вопросу очень осторожно. Так, он резко выступает против известного в то время профессора Санкт-Петербургского университета Л. Ф. Воеводского, поместившего древнюю дакийскую крепость Петродаву на месте современного Кишинева, а другую крепость, Корсидаву, на месте современного города Оргеев (Суручан 1888: 130).

Исследуя данные древних авторов, в частности, Диона Хризостома, упомянувшего о скифской крепости Алектор, расположенной там, «...где реки Днепр и Буг образуют озеро, длиною около двухсот стадий» (аттическая стадия равна примерно 185 м) И. К. Суручан пришел к выводу, что в данном известии речь может идти только Днепро-Бугском лимане, на берегу которого и должна была находиться скифская крепость. Чтобы подтвердить свою точку зрения, он проводит разведки и тщательно исследует все побережье лимана у впадения его в море и находит руины укрепления, которые, по его мнению, и были остатками древнего Алектора (Суручан 1888: 130—131).

И. К. Суручан углубленно занимается также выявлением и картографированием «Золотого берега», о котором упоминает византийский император Константин Багрянородный в своем описании империи. В своей работе автор откровенно признает, что он неоднократно ошибался в локализации «Золотого берега» в отчетах, присланных им Одесскому обществу истории и древностей и Киевскому церковно-археологическому обществу. В конце концов исследователь приходит к выводу, что «Золотой берег» Константина Багрянородного должен быть связан со знаменитой Ольвийской бухтой, которая, в свою очередь, связана с находками многочисленных различных предметов из золота, серебра и бронзы, в том числе и многих золотых монет. По мнению автора, несмотря на то, что с каждым годом находки золотых предметов в этом месте уменьшаются, но, очевидно, во время византийского императора они были здесь в таком изобилии, что «подали ему повод назвать этот берег, так и все протяжение его до Днестра “Золотым берегом”» (Суручан 1888: 134).

Одновременно с публикационной работой и полевыми исследованиями И. К. Суручан активно занимается пополнением и без того колоссальной коллекции древностей. Очень скоро ее размеры настолько перерастают рамки частного собрания археологических и других предметов, что он приходит к решению

создать на ее основе археологический музей, в котором нашли бы отражение древности всего северного побережья Черного моря.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, когда конкретно был создан музей и с какого времени он стал называться «Музеем Древностей Понта Скифского И. К. Суручана в Кишиневе». Возможно, что этот музей возник одновременно с «Музеем Древностей Натальи Сикард в Вадул луй Водах», где-то в середине 70-х годов XIX века. А основываемся мы на следующем. В XI томе Записок Одесского общества истории и древностей опубликована статья Павла Беккера (профессора из Дрездена) «О надписях на ручках греческих амфор из собрания И. К. Суручана», датированная 1 июля 1878 г. В статье неоднократно встречается «музей И. К. Суручана», следовательно, он уже тогда существовал. Однако тогда он еще не назывался «Музеем Понта Скифского» и не мог размещаться в здании этого музея, т.к. дом по улице Семинарской, 37 был куплен на имя Ольги Христофоровны Суручан только в середине 1887 г. Поэтому следует предположить, что полное название он приобрел в новом здании. Дом почти в том же виде сохранился до наших дней. Сейчас это улица Бэнулеску-Бодони ниже проспекта Штефана чел Маре. Находится он внутри квартала позади дома, в котором размещена городская библиотека имени Б. П. Хашдеу. Здание основного дома двухэтажное, на первом этаже было 6, а на втором — 7 комнат. Три комнаты были во флигеле, располагавшемся в Варфоломеевском (ныне Театральном) переулке. Были и другие строения. Мы располагаем сведениями, что музейные коллекции размещались в доме и флигеле. В двух комнатах на первом этаже экспонировались египетские древности, в двух других комнатах на втором этаже размещалась библиотека, остальные экспонаты занимали три комнаты на втором этаже и столько же во флигеле. По рассказам современников, И. К. Суручан чаще всего работал во флигеле, где в его окнах свет горел очень долго. Во дворе вдоль стен находились многочисленные мраморные плиты с древнегреческими и латинскими надписями. Есть упоминания В. В. Латышева, что в один из его приездов в Кишинев к И. К. Суручану он не мог изучить надпись плиты, которая тогда была повернута лицевой стороной к стене забора.

По скудным данным, рассыпанным в статьях самого И. К. Суручана и его современников, а чуть позже В. И. Гошкевича, а также архивных материалов, можно составить



**Рис. 1.** Здание в Кишиневе, в котором находился «Музей Древностей Понта Скифского» И.К. Суручана.

**Fig. 1.** The building in Chisinau that housed “The Museum of Antiquities of Scythian Pontus” founded by I.K. Suruchan.

представление о самом музее и его коллекциях. А они были значительны, если только египетские древности размещались в двух залах. А еще было огромное количество античных амфор и клейменных амфорных ручек, черно- и краснолаковой греческой и римской посуды, различных изделий из стекла, бронзы, серебра и золота. Одних античных монет в собраниях И.К. Суручана насчитывалось свыше двенадцати тысяч экземпляров, и среди них, по данным специалистов, было много чрезвычайно редких и уникальных. Их количество постоянно менялось, т.к. он часто сотнями монеты дарил, а затем вновь приобретал и вновь дарил. В нумизматическом отделе музея хранилось, например, более ста генуэзско-татарских монет города Кафы, представленных в крупнейших музеях Европы единичными экземплярами. Там же хранились и сотни ольвийских монет-дельфинчиков, происхождение которых связано со знаменитой Ольвийской бухтой.

Между тем коллекция «Музея Древностей Понта Скифского», открытая для отдельных посетителей и исследователей в Кишиневе, своей полнотой и разнообразием представленных в ней материалов если не соперничала, то во многом дополняла собрания широко известного, единственного в то время на юго-

западе России Одесского археологического музея. Все это дало полное основание крупнейшему в России и Европе археологу и историку, эпиграфисту, специалисту по античности, впоследствии академику В.В. Латышеву отозваться о «Музее Древностей Понта Скифского И.К. Суручана в Кишиневе» как о «замечательной коллекции древностей» (Латышев 1909: 2—14).

Сбор и систематизация материалов музея требовали от его создателя огромного труда и знаний, которых порою ему не доставало. Не следует также забывать, что он работал один без единомышленников и помощников. Для того, чтобы разобраться в древнегреческих и римских надписях на монетах, амфорных ручках и мраморных плитах из Ольвии, Тире, Пантикапея и др. античных городов И.К. Суручан самостоятельно овладевает древними языками, изучает специальную литературу.

Однако стремление максимально пополнить коллекцию музея, не упустить ни одной находки, которая хотя бы немного могла помочь в освещении далекого прошлого Северного Причерноморья, недостаток опыта и общая неразработанность многих проблем приводили иногда к досадным срывам в его работе.

Начиная с семидесятых годов XIX века на юге России начала действовать печально знаменитая фабрика фальсификаторов древностей братьев Леона и Шапселя Гохманов с центром вначале в Очакове, а затем и в Одессе. Своим возникновением она была обязана тому общему интересу, который возник в России и Европе в связи с находками скифских и античных древностей в Северном Причерноморье. Опытные и искусные фальсификаторы долгое время наводняли музеи и частные коллекции России, Франции, Англии, Америки и других стран мира изделиями своих подпольных мастерских. Особенно часто распространялись поддельные надписи на мраморных плитах. Мрамор для них хищнически добывался в развалинах Ольвии, Тирьи и Херсонеса. Даже крупные ученые того времени, такие как академик В. В. Латышев, Э. Р. Штерн, А. Л. Бертье-Делагард и другие неоднократно бывали обманутыми. К сожалению, немало таких подделок попало и в музей И. К. Суручана. В подлинности некоторых из них он сомневался, однако боязнь пропустить неподдельную лапидарную надпись нередко приводила к приобретению фальшивых. А. Л. Бертье-Делагард упоминает о толстой пластине из золота, типа современной брошки, из коллекции И. К. Суручана, «в середине которой имеется рельефное изображение Кентавра, играющего на флейте и везущего Эрота». Таких пластинок было две: одна в Кишиневе, а другая в Николаеве. Большой интерес представлял и венец-корона из коллекции И. К. Суручана, поддельность которой так и не была подтверждена. Это широкий обруч из высокопробного золота с треугольными зубчиками наверху. На нем выбиты разные узоры точками или сканными нитями, а посередине — пальметки (Бертье-Делагард 1896: 49—53).

И. К. Суручан пытался вести борьбу с фальсификаторами древностей. В одно время он даже вел судебные процессы против них. Однако при хорошо организованной поручке и конспирации, при абсолютной продажности органов царского суда и полиции эти процессы оказались безрезультатными.

Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, подделки составляли лишь очень незначительную часть богатейшей коллекции музея.

Без коллекции И. К. Суручана стало невозможным изучение античного Причерноморья. Именно поэтому в Кишинев для ознакомления с экспонатами «Музея Древностей Понта Скифского» неоднократно приезжали известные археологи и историки второй половины XIX века — В. В. Латы-

шев, В. А. Тураев, В. В. Шкорпил, Э. Р. Штерн, Ф. Г. Мищенко и др.

Академик В. В. Латышев высоко ценил И. К. Суручана и тепло о нем отзывался. «Я не имею поводов сомневаться в справедливости свидетельств И. К. Суручана», — писал он (Латышев 1909: 196). А на одном из заседаний Русского Археологического Общества 8 мая 1891 года он сообщил, что им «не были до сих пор списаны надписи с амфорных ручек, хранящихся в богатых коллекциях Эрмитажа, Российского исторического музея в Москве и частного музея И. К. Суручана в Кишиневе» (Латышев 1893: 44). Общество обратилось к Ивану Касиановичу за разрешением, такое было получено, и в Кишинев для списания надписей с амфорных ручек был командирован Г. Сысоев. Первоначально срок работы был определен Обществом в три месяца, а затем продлен еще на полтора месяца, что свидетельствует о значительных размерах этой эпиграфической коллекции. Впоследствии В. В. Латышев в своем знаменитом труде «Понтика» писал: «Не менее любезно поделились со мною эпиграфическими сокровищами, знаниями и указаниями владельцы замечательных коллекций древностей И. К. Суручана в Кишиневе и Пл. О. Бурачкова в Херсоне» (Латышев 1909: 18).

В «Музее Древностей Понта Скифского» находилась и мраморная плита, на которой был вырезан интересный ольвийский декрет в честь Корзоаза, изданный в 1876—1882 гг. Генценом, Уссингом, Юргевичем и Суручаном. В. В. Латышев затруднялся, какому изданию отдать предпочтение (Латышев 1909: 14).

В начале 1893 года В. В. Латышев, совершая поездку по югу России, вновь приезжает в Кишинев. Ознакомившись с новой коллекцией античных лапидарных надписей, собранной И. К. Суручаном он предлагает владельцу совместную публикацию. В конце 1894 года в Петербурге вышла из печати на латинском языке книга почетного члена Академии наук Румынии И. Суручана и действительного члена Академии наук в Петербурге В. Латышева «Новейшие греческие и латинские надписи (1889—1894) из Музея Суручана, который находится в Кишиневе» (Inscriptiones 1894).

Коллекция музея неоднократно использовалась известными археологами и историками. Большой знаток античных клейм на амфорных ручках дрезденский профессор П. Беккер в 1879 году опубликовал присланные ему И. К. Суручаном надписи в виде клейм на ручках античных амфор Ольвии, Пантикапея, Родоса и др. Полученные но-

№6. 2011

вые данные подтвердили правильность выводов автора, и он сожалел, что не мог включить их в только что вышедшую из печати работу. В коллекции Суручана было много совершенно неизвестных надписей (Беккер 1879: 13—50).

Академик С. А. Жебелев в одной из своих статей специально останавливается на интерпретации рельефного изображения возвращения Ифигении из Тавриды в Элладу на великолепной античной вазе. Эта глазированная античная ваза была найдена в Керчи, а изготовлена в Александрии с целью вывоза ее в Понт. На ней дважды изображена жанровая сцена из жизни и быта, которой прибавление фигуры Ифигении с идолом Артемиды в руках придавало местный для Крыма интерес. Это дает основание предположить, что александрийский мастер вынужден был считаться со вкусом и потребностями таврического рынка, и что северному рынку придавали в Александрии значительную важность. До этого с разрешения вдовы владельца музея О. Х. Горонович эта ваза была опубликована Э. Р. Штерном в одном из томов Записок Одесского общества истории и древностей (Штерн 1900а: 1—21; 1900б: 36—34). Академик Б. А. Тураев публикует плиты с древнеегипетскими изображениями из этого же музея.

Большая и плодотворная работа по археологии и истории Северного Причерноморья приносит И. К. Суручану известность. 4 января 1885 году он избирается членом сотрудником, а 26 марта 1886 года — действительным членом Русского археологического общества. Представляет интерес, что одновременно с ним были избраны действительными членами такие известные русские ученые, как археолог и историк Д. Я. Эварницкий и нумизмат А. В. Орешников. В том же году И. К. Суручан становится действительным членом Одесского общества истории и древностей.

Несколько раньше, в конце 70-х годов, И. К. Суручан избирается членом-корреспондентом Церковно-Археологического общества Киевской духовной академии, в изданиях которой он опубликовал ряд своих заметок, а в музей Общества передал из своих коллекций некоторые весьма ценные предметы: ольвийские тессеры, монеты, бронзовые наконечники стрел, сосуды из Пантикапея, серебряную римскую монету Секта Помпея из Тиры, планы, чертежи и несколько книг. 18 января 1882 года на заседании Общества он выступил с докладом об Ольвийской псифисме в честь Корзоаза. Доклад был прочитан

на латинском языке, к реферату были приложены транскрипции псифисмы и ее латинский перевод. На этом же заседании член-корреспондент И. К. Суручан был избран в действительные члены Общества (ТКДА 1882: 156).

В начале 1888 года с «Музеем Древностей Понта Скифского» ознакомился Михаил Когылничану и доложил о нем и его создателе на одном из заседаний Академии наук Румынии. 11 апреля того же года И. К. Суручан пятнадцатью голосами «за», при двух «против» и двух «воздержавшихся», был избран Почетным членом Румынской Академии наук в Бухаресте (AAR 1889: 90).

Еще при жизни И. К. Суручан становится известным археологом. Его многие знают, и о его работах хорошо отзываются крупные ученые того времени — археологи, историки, филологи: В. Шеффер, И. Жирар, Теодор Рейнах, Ф. Г. Мищенко, А. И. Никитский и другие русские и иностранные исследователи.

Научная известность, однако, не отразилась на отношении высшего кишиневского дворянства и чиновничества к ученому. Он прослыл в этой среде безумцем и чудаком. О нем говорили издевательски, с плохо скрываемой насмешкой. Бессарабские деятели не могли понять человека, который не ездил в клубы, не играл в карты, не занимался охотой, не служил, а все доставшееся ему в наследство состояние тратил, не считая, на «какие-то черепки и камушки».

Между тем, работы с коллекциями становилось все больше и больше. И. К. Суручан работал очень много. Знавшие его археологи говорили, что у него была поразительная страсть рыться, где можно, и удивительное умение находить, что нужно. От его внимательного взора не ускользали ни старьевщики, ни монастыри, ни частные коллекции. Если он узнавал о каком-либо древнем предмете, находящемся в частных руках и достойном внимания, он не успокаивался до тех пор, пока не водворял его в свой музей. «Ему привозили предметы археологии отовсюду (даже из Египта); немало и он сам добывал их раскопками курганов в Бессарабии», — писал о нем видный деятель Одесского общества истории и древностей А. И. Маркевич (Маркевич 1900: 50).

При «Музее Древностей Понта Скифского И. К. Суручана в Кишиневе» была обширная библиотека, занимавшая две комнаты на втором этаже. В библиотеке были собраны почти все известные в то время археологические издания в России, Румынии и в других странах. Особенно большой интерес представля-



**Рис. 2.** Усадьба семьи И.К. Суручана в пригороде Кишинева Вадул-луй-Водэ, где после его смерти находилась коллекция Музея Древностей Понта Скифского.

**Fig. 2.** The estate of the I.K. Suruchan`s family in Vadul-lui-Voda, the suburbs of Chisinau, that housed his collection of antiquities from the museum after his death.

ли разделы по Северному Причерноморью, Румынии, особенно бессарабоведению. Библиотекой пользовались многие ученые, приезжавшие в Кишинев. Так, в одной из своих работ В. В. Латышев благодарил владельца библиотеки за ознакомление с очень интересной книгой Андрея Мейера «Описание Очаковской Земли», весьма редкой даже для конца XIX века.

В библиотеке были собраны и многие другие редкие издания, уникальные рукописи по истории и культуре края, а также подлинные молдавские господарские грамоты и акты. Позже, в 1915 году, протоиерей М. М. Чакир и секретарь Бессарабского церковного историко-археологического общества И. И. Зелинский посетили богатую библиотеку покойного И. К. Суручана в Вадул-луй-Водэ (Сэулкэнь), и с разрешения его вдовы они выбрали для музея Общества книги на румынском, старомолдавском, русском, французском, немецком, латинском, греческом, древнегреческом, сербском, древнееврейском и других языках. О важности этих книг говорит тот факт, что они в библиотеку Общества попали в раздел с литерой «А» (СВ 1925). Количество книг, имевшихся в библиотеке И. К. Суручана, неизвестно, однако, по словам некоторых ученых, пользовавшихся

ею, оно было достаточно велико. По архивным данным, она насчитывала более трех с половиной тысяч экземпляров. По существу, это была первая и единственная в своем роде историческая библиотека в Бессарабии.

Поздней осенью 1897 года, во время очередных археологических исследований на юге Бессарабии, И. К. Суручан простудился и тяжело заболел. Подорванное непосильной работой и без того слабое здоровье археолога резко ухудшилось. 1 декабря (18 ноября) 1897 года он скончался, не дожив нескольких дней до 46 лет. И. К. Суручан был похоронен на городском кладбище по ул. Армянской в Кишиневе, на небольшом расстоянии к юго-востоку от церкви.

Уже безнадежно больной, он сокрушался о том, что не успел составить подробного каталога коллекции музея. Умирая, в бреду он говорил о раскопках, о древностях края, о музее. Больше всего боялся он, что его собрания попадут в жадные руки невежественных скупщиков и антикваров. Судьба коллекции Музея Древностей Понта Скифского взволновала современников, сразу же узнавших о кончине ее создателя. «Какая участь постигает или уже постигла коллекцию Суручана после смерти их собирателя?» — в тревоге писал А. И. Маркевич.

№6. 2011

К сожалению, судьба коллекции действительно оказалась печальной. В губернском Кишиневе не было ни организации, ни людей, которые могли бы продолжить дело покойного археолога, или хотя бы сохранить уже собранные уникальные предметы. Влчившая жалкое существование Бессарабская губернская ученая архивная комиссия в сентябре 1898 года сделала робкие попытки к приобретению собрания музея. На третьем частном заседании того же года было принято решение возбудить вопрос «о важности для Комиссии археологической коллекции И. К. Суручана и в особенности библиотеки его по бессарабоведению». Председатель Комиссии договорился с наследниками о передаче музея во временное сохранение Архивной Комиссии, однако при ознакомлении с коллекциями музея их размеры (более 90 тыс. единиц) испугали деятелей Архивной комиссии, и под предлогом, что при музее не имеется точной научной описи предметов, от его приобретения отказались. «Так как составление таковой (описи) не под силу пока нашей Комиссии, то передача коллекции Комиссии отложена» (Труды БГУАК 1900: 377).

Столь же плачевной оказалось и судьба библиотеки. Известно, что на заседании этой же комиссии 13 марта 1899 г. было зачитано письмо О. Х. Гороневич, согласившейся представить библиотеку во временное пользование Комиссии. Но она так и не была передана. По-видимому, от нее отказались по той же «причине», что и от музея.

Уже в самом начале минувшего столетия недалеко от Вадул-луй-Водэ (Сэулкэнэ) было построено новое здание для сыновей и дочери И. К. Суручана, и туда же были перевезены вся коллекция музея и библиотека. Именно отсюда часть предметов музея была продана или раздарена различным организациям и частным лицам. В дореволюционные годы в Вадул-луй-Водэ несколько раз приезжал В. И. Гошкевич, в результате чего в Херсонском музее древностей (впоследствии Херсонский государственный историко-археологический музей) оказалось триста различных предметов, в том числе и двести мраморных плит-надгробий (ЛМ 1927: 5—8). Из музея И. К. Суручана отдельные предметы были подарены музеям Архивной комиссии и Церковного историко-археологического общества. Несомненно, часть коллекции была передана в один из музеев (Г. Северяну?) Бухареста. До недавнего времени несколько амфор с клеймами находилось в Историко-краеведческом музее МССР,



Рис. 3. Надгробие И. К. Суручана.

Fig. 3. I. Suruchan's gravestone.

затем они были переданы в Национальный исторический музей Молдовы. Пока что никаких предметов из музея И. К. Суручана нам не удалось обнаружить ни на выставке, ни в фондах Одесского археологического музея.

Также загадочно разошлись по рукам и все книги из библиотеки И. К. Суручана. Известно только, что отдельные тома различных изданий изредка попадали к букинистам. По-видимому, есть они в Центральной научной библиотеке Академии наук Молдовы, во всяком случае, нам известно несколько томов «Записок Одесского общества истории и древностей» на корешке переплета которых читается: «Библ. при Музеѣ Древн. Понта Скифск. И. К. Суручана въ Кишиневѣ». Они могут быть найдены и в других библиотеках республики, а также в Одессе, Бухаресте, Киеве, Херсоне и в других городах Северного Причерноморья, где когда-то жили его современники-единомышленники.

Во время революции сэулканское поместье дважды грабилось в 1917 и 1918 годах, погиб один из сыновей И. К. Суручана и, по-видимому, в результате этого бесследно исчезли почти все коллекции археологических предметов и книг библиотеки «Музея Древностей Понта Скифского И. К. Суручана в Кишиневе».

## Литература

- Беккер П. 1879. О надписях на ручках греческих амфор из собрания И. К. Суручана. *ЗООИД* XI. Одесса, 13—50.
- Бертье-Делагард В. В. 1896. Подделка греческих древностей на юге России. *ЗООИД* XIX. Одесса, 49—53.
- Валишевский К. 1990. *Вокруг трона*. Москва.
- Латышев В. В. 1893. Выступление на заседании Отделения археологии Древнеклассической и Западноевропейской Императорского Русского Археологического общества. *ЗИРАО* VI. Вып. 3, 4, новая серия. Санкт-Петербург.
- Латышев В. В. 1909. *Понтика. Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфии Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря*. Санкт-Петербург, 2—14.
- Леви Е. И. 1984. Ольвия. В: *Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР*. Москва, 34—40.
- ЛМ 1927 — Літопис музею. *Державний Херсонський історико-археологічний музей* 8. Херсон, 5—8.
- Маркевич А. И. 1900. И. К. Суручан. Некролог. *ЗООИД* XXII. Одесса, 49—51.
- ОАК 1891 — *Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 годы*. Санкт-Петербург.
- Суручан И. К. 1888. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектор и Золотого берега Константина Багрянородного. *Труды VI АС в Одессе в 1884 г.* Т. II. Одесса, 129—134.
- ТКДА 1882 — *Труды Киевской духовной академии*. Т. II (апрель). Киев.
- Труды БГУАК 1900 — *Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии*. Т. I. Кишинев.
- Труды VI АС 1888 — *Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г.* Т. I. Одесса.
- Штерн Э. Р. 1900 а. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. Доклад на XI АС в Киеве в 1899 г. *ЗООИД* XXII. Одесса, 1—21.
- Штерн Э. Р. 1900 б. Античная глазированная посуда с юга России. *ЗООИД* XXII. Одесса, 36—44.
- Юргевич В. Н. 1888. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического исследования. *Труды VI АС в Одессе в 1884 г.* Т. II. Одесса.
- AAR 1889 — *Analele Academiei Române*. Seria II. Т. X. 1887—1888. Şedinţa din 11 aprilie 1888. Bucureşti.
- Bezviconi G. 1936. *Din trecutul nostru*. Anul IV, nr. 28—30. Ianuarie-martie. Chişinău.
- Bezviconi G. 1943. Academicianul Ion Surucean. *Profiluri de ieri şi de azi*. Bucureşti.
- CB 1925 — *Catalogul bibliotecii Societăţii Bisericeşti istorico-arheologice basarabene din Chişinău*. Chişinău.
- Inscriptiones 1894. — *Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889—1894) Museo Surutschaniano quod est Kischinevi. Inlatae*. Ediderunt I. Surutschan, B. Latyshev. Petropoli, MDCCCXCCIV.

Статья впервые была опубликована в книге: Кетрару Н. А. Очерки истории археологии Молдовы (1715—1945). Кишинев, 2005, на русском языке.

**Nicolae Chetragu.** Doctor of History.

**Nicolae Chetragu.** Doctor în istorie.

**Кетрару Николай Антонович.** Доктор истории.